

АНАЛИТИКА ИСКУССТВА

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-404-428

УДК 94(47).084.5; 821.1 61.1

МАЯКОВСКИЙ, БРИКИ И ЧЕКИСТЫ

Тепляков Алексей Георгиевич,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета экономики и управления – «НИИХ»,

Россия, 630099, Новосибирск, Каменская, 56

teplyakov-alexey@rambler.ru

Шиловский Денис Михайлович,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета экономики и управления – «НИИХ»,

Россия, 630099, Новосибирск, Каменская, 56

awlsome@gmail.com

Аннотация

Госбезопасность активно работала среди творческой интеллигенции, поддерживая лояльную часть и накапывая компрометирующие материалы в отношении противников режима. Вокруг Маяковского и его литературного окружения деятельно работали негласные агенты ОГПУ Осип и Лиля Брики. Характерно, что для творческих группировок модернистского толка было типичным вхождение в систему большевистских патрон-клиентских отношений. Авангардисты от искусства считали себя частью революции, поэтому не брезговали и охранными структурами новой власти. Чекист и литератор О.М. Брик официально завершил свою работу в начале 1924 г., однако сохранил широкие знакомства с чекистами, держа популярный в Москве литературный салон. Разумеется, чекисты посещали (организовывали) и другие салоны, но именно к Маяковскому и Брикам ходили как к своим, представляя симбиоз власти и литературы на идущей от символизма основе жизнестроительства: Брик и Маяковский писали настоящие гимны в честь «солдат Дзержинского», а сотрудники тайной полиции отправляли Лили Юрьевну Брик за границу со своими поручениями.

Маяковскому нравилось играть роль не только в литературном процессе: он проявлял к советской охранке интерес и художника, и зависимого от нее выгодополучателя. Но когда государство, борясь с оппозицией, стало сажать и расстреливать чекистов и литераторов, поэт испытал глубокое разочарование в прежних идеалах, что повлияло на его решение о самоубийстве.

В публикации анализируются вводимые в оборот новые материалы о биографии В.В. Маяковского и его ближайшего окружения: мемуарный

текст видного чекиста М.П. Шрейдера и документ НКВД УССР 1938 г., посвященный в значительной степени Лиле Брик. Предлагаемые документы расширяют наши знания о поэте и его окружении, которое правильно было бы называть литературно-чекистским.

Ключевые слова: Владимир Маяковский, Лиля Брик, Осип Брик, ВЧК, ОГПУ, репрессии, чекисты.

Библиографическое описание для цитирования:

Тепляков А.Г., Шиловский Д.М. Маяковский, Брики и чекисты // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 4, ч. 2. – С. 404–428. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-404-428.

Маяковский актуален. Книги, статьи о нем по-прежнему выходят и находят отклик у читателя. Не утихают споры литературоведов и публицистов о том, что привело поэта к выстрелу в сердце, сделал ли он это сам или был кем-то убит, боялся ли чего-то в стусившейся политической атмосфере весны 1930 г. или не смог вынести груза личных проблем. В связи с этими вопросами очень актуально изучение ближнего окружения Маяковского, разнообразно влиявшего на поэта, выяснение неизвестных его знакомств. В последние десятилетия обнародовано много мемуаров и документов о судьбе поэта, однако появляются и новые источники. Эта статья вводит в научный оборот мемуарный текст видного чекиста М.П. Шрейдера о его встречах с Маяковским, а также документ НКВД УССР, посвященный в значительной степени Лиле Брик. Эти материалы расширяют наши знания о поэте и его окружении, которое правильно было бы называть литературно-чекистским, ведь жизнь Маяковского оказалась крепко связана с функционерами советской охраны.

Драматические судьбы Владимира Маяковского и лиц из его близкого окружения, прежде всего Лили Брик и Осипа Брика, уже давно обсуждаются исследователями и публицистами. А. Ваксберг, Б. Янгфельдт, Б. Сарнов, В. Скорятин, Д. Быков, А. Кацис и другие в последние десятилетия написали интересные работы о Маяковском и Бриках [3, 4, 8, 16, 17, 24].

«Помянут меня, помянут и тебя!» Имя Маяковского неотделимо от главных спутников его жизни – супружеской четы Осипа и Лили Брик. Путь Маяковского пересекся с работниками спецслужб благодаря литератору О.М. Брику, который в июне 1920 г. был взят на службу в Московскую ЧК, где начал с юрисконсульта, но потом занимался оперативной работой, ведал агентурой и следствием. Это обстоятельство спасло его брак с Лилей, которая хотела уехать за границу. Брики в начале голодных 20-х годов получили большую реквизированную квартиру с богатой обстановкой и жили отнюдь не на пайковое содержание. Они не стеснялись своего обра-

за жизни и весело распевали популярную тогдашнюю песенку про умеющего устроиться чекиста:

Прямо в окно от фонарика
Падают света пучки.
Жду я свово комиссарика
Из спецотдела Чеки.
Вышел на обыск он ночью
К очень богатым людям.
Пара мильончиков нонече
Верно отчислится нам [6, с. 39].

Директор «Аркаса» в Лондоне Г.А. Соломон описал свое изумление, когда увидел на своей сотруднице, матери Л. Брик, роскошное украшение из драгоценностей императорской короны, «достойное украшать царицу Семирамиду», которое раздобыл зять Осип Брик [19, с. 254, 255]. О деятельности Осипа Максимовича в «органах» было широко известно. В марте 1922 г. берлинская газета «Голос России» сообщала, что «о Брикке говорят, что он попал в Чека из-за нежелания ехать на фронт; записавшись в коммунисты, он должен был выбрать фронт или Чека – предпочел последнюю».

Брик позволял себе рассказывать смелые истории о большевистских нравах. К. Чуковский записал в дневнике 7 декабря 1920 г. услышанное от Л. Брик: «Она рассказала мне, как шофер Троцкого и какие-то другие хулиганы выхватывают на улицах Москвы самых красивых барышень, заводят в лес – и там насилуют. Она знает все эти подробности от своего мужа, следователя Чеки, Брика» [22, с. 309]. Не скрывал от друзей Брик и кровавых подробностей чекистской работы, рассказывая о них с коробящим слушателей цинизмом так, что филолог Р. Якобсон грустно констатировал: «Работа в Чека его очень испортила» [24, с. 184].

Юрист по образованию, теоретик литературы, вместе с Маяковским редактировавший «Искусство коммуны» (1918), «ЛЕФ» (1923–25) и «Новый ЛЕФ» (1927–28), Осип Брик, имевший широкие знакомства в интеллигентной среде, одновременно служил почти всё время в Московской ЧК–ГПУ. При слиянии в декабре 1923 г. Московского губотдела ОГПУ с центральным аппаратом Лубянки О. Брик получил должность уполномоченного 7-го отделения Секретного отдела ОГПУ, которое занималось агентурным проникновением в различные второстепенные политические партии и группировки (эсерами, анархистами, меньшевиками, кадетами, черносотенцами и сионистами занимались отдельные номерные отделения). Затем 7-е отделение занималось писателями. Официальная служба Брика завершилась уже в начале 1924 г.: с 15 января 1924 г. он по какой-то причине перестал выходить на службу, после чего как дезертир был уволен из

ОГПУ с 10 марта 1924 г. [13, с. 35]. Возможно, Брик решил посвятить себя литературе или не сработался с крайне хамски державшим себя с подчиненными начальником Секретного отдела Т.Д. Дерибасом.

Но Брик сохранил положение литературного чекиста, несмотря на некоторую фронду, выразившуюся в публикации в журнале резкой повести о перерождении партийно-чекистской номенклатуры, где органы ЧК были показаны как бездушные и формальные [2]. Партия устами главы цензурного ведомства Б. Волина публично выругала Брика за «клевету» [5], однако литератор сохранил широкие знакомства с чекистами, держа популярный в Москве литературный салон. Такой высокопоставленный руководитель Секретного отдела, как Яков Агранов, несмотря на бывшее «дезертирство», Брика уважал и постоянно посещал его салон, как и ряд других чекистских бонз, тяготевших к литературе.

Госбезопасность активно работала среди творческой интеллигенции, поддерживая лояльную часть и накапливая компрометирующие материалы в отношении противников режима. К М. Горькому был приставлен агент госбезопасности П.П. Крючков, к Маяковскому и другим – Осип и Лиля Брики. В 20-е гг. литераторы, как и до революции, привычно посещали литературные салоны, обсуждая и литературные, и общественно-политические события. Незадолго до смерти Лиля призналась американским литературоведам, что вместе с мужем работала на ВЧК–ОГПУ и помогала Брику вербовать второстепенных литераторов из окружения заметных фигур. Известная переводчица Рита Райт рассказывала, что у Лили было удостоверение, «позволявшее ей запросто заходить в учреждения, закрытые для всех других смертных». Лиля вербовала ее саму в агентурную сеть Иностранного отдела ОГПУ, устроив после согласия Райт встречу с чекистом (в итоге Р. Райт, по ее словам, не подошла для секретной работы) [20, с. 57; 25].

Для творческих группировок модернистского толка было характерно вхождение в систему большевистских патрон-клиентских отношений. Они видели фактическое возрождение сословий, в том числе касты советских аристократов-придворных (высшей номенклатуры), а также не менее могущественной касты жандармов, и желали обратить на себя благожелательное внимание государства. Литераторы-модернисты продемонстрировали отличное умение устраиваться, опираясь на различные знакомства и личную предприимчивость, как, например, имажинисты во главе с С. Есениным [11]. Авангардисты от искусства считали себя частью власти, занимавшейся строительством новой революционной культуры, и не брезговали охранными структурами этой власти, тем более что многие известные чекисты, милиционеры, прокуроры активно участвовали в литературной жизни, увлекались театром, печатали свою публицистику, стихи, пьесы и

беллетристику. М.Н. Золотонос отмечает, что тесная связь с ОГПУ – неотъемлемая часть авангарда, наполненного в том числе и эстетикой садизма. В кружке Бриков органы ВЧК–ОГПУ воспринимались «в известном смысле плодом садистской эстетической фантазии, охраной большевистского Рая» [7, с. 287]. Русский модернизм не испытывал отторжения от тайной полиции нового государства, которая помогала людям искусства решать все проблемы – и безопасности, и пайков, и борьбы с конкурентами. Большевики очень расчетливо выращивали, развивали, терпели левое искусство, чтобы избавиться от него, когда придет время.

Среди деятелей литературы того времени было немало людей, имевших опыт работы в ВЧК–ОГПУ–НКВД: скажем, И.Э. Бабель, Я.М. Бельский (Биленкин), А. Веселый (Н.И. Кочуров), Б. Волин (Б.М. Фрадкин), И.Ф. Жига, Г. Лелевич (Л.Г. Калмансон), А.А. Прокофьев, Н.Г. Свириц, В.П. Ставский, Д. Фальковский и др. Еще большим было число литераторов, завербованных чекистами и состоявших в конспиративной осведомительной сети. Характерной стала фигура и специфического завсегда литературных салонов – профессионального чекиста, как правило, занимавшего солидный пост вроде заместителя начальника Секретного отдела ОГПУ Я.А. Агранова или заместителя полпреда ОГПУ по Ленинградскому военному округу В. Домбровского. Здесь было сочетание полицейского интереса к людям интеллектуального труда с желанием прикоснуться к элитарному искусству. До известной степени этот интерес был взаимным, и писатели пытались понять специфику чекистской психологии, понять тайну людей, каких еще не встречалось на Руси.

Анна Ахматова в мае 1940 г. в разговоре с confidentкой дала точную характеристику салона Бриков и его значения в жизни Маяковского: «Литература была отменена, оставлен был один салон Бриков, где писатели встречались с чекистами... И вы, и не вы одни, неправильно делаете, что в своих представлениях отрываете Маяковского от Бриков. Это был его дом, его любовь, его дружба, ему там всё нравилось. Это был уровень его образования, чувства товарищества и интересов во всём. Он ведь никогда от них не уходил, не порывал с ними, он до конца любил их» [21, с. 118].

Разумеется, чекисты посещали (организовывали) и другие литературные салоны, но именно к Маяковскому и Брикам ходили как к своим, составляя симбиоз власти и литературы. Брик и Маяковский писали о чекистах, создавая настоящие гимны в честь «солдат Дзержинского», а сотрудники тайной полиции отправляли Лили Юрьевну за границу со своими поручениями, поддерживая с ней не только служебные, но и интимные контакты. Салон Бриков посещали М. Кузмин и Вс. Мейерхольд, Ю. Олеша и Б. Пильняк, В. Шкловский и Л. Авербах. И целый ряд чекистов: Я.С. Агранов, З.И. Волович, М.С. Горб, В.М. Горожанин, Л.Г. Эль-

берт. О том, что поэт был на дружеской ноге со многими работниками Лубянки (например, с Я.Г. Блюмкиным («Блюмочкой», по словцу Маяковского)), говорит его хождение в очень специфическую гостиницу ОГПУ «Селект» в 1929 г. ради бильярда [20, с. 66].

Маяковскому нравилось не только играть солидную роль в литературном процессе, но и, например, освобождать людей из тюрьмы в период красного террора [15]. Поэт-трибун проявлял к советской охране интерес и художника (подобно И.Э. Бабелю), публикуя о ней хвалебные стихи, но в большой степени это был прагматичный интерес к сильным мира сего. Индивидуалистичный анархизм Маяковского сочувственно отозвался на разрушительную мощь большевизма, но, когда новое государство стало диктовать свои суровые условия, поэт с ними согласился, видя возможность благополучного существования в цеху востребованных и хорошо оплачиваемых стихотворцев-пропагандистов.

Хотя О. Брик с 1924 г. не работал в ОГПУ, связи Маяковского с чекистами становились год от года теснее. В орбиту знакомств втягивались новые люди вроде работника Секретного отдела ОГПУ В. Горожанина, постоянным посетителем салона был растущий в чинах Яков Агранов [10, с. 321–374]. Из крупных деятелей советской культуры Маяковский был наиболее «чекизирован» (роман с ОГПУ у Горького начался позднее, в конце 20-х гг.). О моральном облике Маяковского и полном отождествлении им себя с полицейской точкой зрения говорит дневниковая запись К.И. Чуковского о разговоре с Маяковским 14 мая 1927 г. Чуковский пытался помочь сосланной в Саратов дочери, но поэт не только отказался назвать людей, которые могли бы помочь Л.К. Чуковской (чей портрет Маяковский когда-то нарисовал), но и заявил, что Лидии место в нарымской ссылке (Чуковский воскликнул: «Это говорил человек, который за десять лет до того называл меня своим братом» [23, с. 310]).

Новые исследования показывают перспективную версию одной из основных причин самоубийства Маяковского – его страх перед государством, которое перешло к самоистреблению, не щадя и самых преданных революционеров, страх перед друзьями-чекистами, которые начали расстреливать и друг друга, и поэтов. Казнь за принадлежность к партийной оппозиции была новым словом в тогдашней политической практике: за связь с высланным Львом Троцким Якова Блюмкина в ноябре 1929 г. стремительно расстреляли. А в начале 1930 г. был расстрелян как троцкист и поэт-футурист В.А. Силлов, что потрясло и Б. Пастернака, и других писателей. Маяковский сильно переживал эти казни, ведь он тоже был левацки настроен, верил в мировую революцию и считал сотни сосланных в конце 20-х гг. троцкистов искренними революционерами. За месяц до самоубийства Маяковского покончил с собой исключен-

ный из партии бывший крупный чекист В.Ф. Ашмарин, в 1925 г. уволившийся из ОГПУ, перешедший в Информационный отдел ЦК ВКП(б) и близкий к литературным кругам с дореволюционных времен [9, с. 99].

Получаемая из чекистских рук актуальная политическая информация оказывала сильное воздействие на поэта в последние месяцы его жизни. На открытии ЦДРИ в начале 1930 г. Маяковский на предложение читать поэму «Хорошо» ответил: «Я не буду читать “Хорошо”, потому что сейчас нехорошо» [1, с. 182]. Около Маяковского опасно заворочалось государство, которое он пел и которое оказалось мрачным чудовищем, пожирающим своих преданнейших слуг. Гордый революционер Маяковский, сидевший при царе, не мог представить себя в советской тюрьме, о режиме которой от друзей-чекистов имел адекватное представление. Л. Брик отмечала, что с царских времен у поэта остался страх перед застенком.

Николай Асеев рассказал Ярославу Смелякову в феврале 1952 г., что незадолго до смерти встретил Маяковского как никогда молчаливым и мрачным. На вопросы Асеева «Маяковский остановился и, подняв ладонь, дунул на нее:

– Вот видите, сегодня я есть, а завтра вот так – ф-ф-фу! – слунут меня, и меня нет. ...Ничего вы не понимаете, что происходит» [18, с. 228, 229]. А 8 апреля 1930 г. была встреча Маяковского с опальным кинорежиссером А.П. Довженко. Произошедший разговор Довженко записал в дневник через 15 лет: «То, что творится вокруг, – нестерпимо, невозможно». Контекст свидетельствует скорее в сторону не столько литературных, сколько общественно-политических проблем. Поэт предлагал режиссеру противостоять этому «невозможному», объединив мастеров культуры. Что именно было нестерпимо и кого именно следовало объединить – Довженко в записи от 14 апреля 1945 г. не сообщил [12]. Но что он мог думать в момент разговора? Большевицкий ортодокс и друг чекистов Маяковский ему, мало-знакомому, говорит о нестерпимом положении в стране и необходимости этому противостоять?.. Борис Пастернак написал: «Мне кажется, Маяковский застрелился из гордости, оттого что осудил что-то в себе или около себя, с чем не могло мириться его самолюбие» [14, с. 333].

Публикуемые нами в приложении документы, конечно, субъективны, но красноречивы. Фрагмент из обширных воспоминаний видного чекиста М.П. Шрейдера описывает впечатления как от некоторых выступлений Маяковского, так и от личного знакомства с поэтом. Они написаны в конце 60-х гг. и дают образ поэта, не отличающийся от других мемуарных текстов: ортодоксальный, принципиальный, атакующий, производивший неизгладимое впечатление чтением своих стихов. Из мемуаров следует факт интенсивного двухсуточного общения Маяковского со Шрейдером во время плавания к Сочи в 1929 г., когда поэт познакомился и с Шрейдером,

и с семьей видного украинского чекиста С.А. Римского, оказывая знаки внимания его красавице-дочери. (Возможно знакомство Маяковского и с отдохавшим с ним третьим чекистом – предположительно А.Г. Грозным-Сафесом.) Мемуары Шрейдера не только описывают впечатления этого молодого чекиста от выступлений и читок поэта, но также расширяют круг знакомых чекистов Маяковского, подтверждают его приятельское знакомство с виднейшим деятелем политического сыска Я.С. Аграновым. Также стоит обратить внимание и на дистанцирование Маяковского от фигуры попавшего тогда в опалу А.И. Рыкова.

Что касается второго документа, то докладная записка, подписанная наркомом внутренних дел УССР А.И. Успенским, сохранилась в следственном деле начальника 6-го отдела УГБ НКВД УССР (отдел контролировал деятельность военизированных организаций: милиции, пожарной охраны, военкоматов, спортивных обществ) В.Р. Грабаря. Этот публикуемый в сокращении фрагмент делопроизводства НКВД периода Большого террора позволяет увидеть характерную интригу киевских чекистов, которые в 1938 г. готовили крупное шпионское дело на группу московских деятелей культуры, науки и спорта, в основе которого, похоже, было желание использовать старых негласных агентов для фабрикации очередного «заговора». Центральными фигурами дела выступали Лиля Брик и ее бывший любовник Лев Герцман, который (по всей видимости, давно работая на «органы») являлся к тому времени хозяйственным работником на Украине и был арестован с целью запутать в провокационное политическое дело побольше своих московских знакомых. Поскольку речь шла о столичных знаменитостях, сообщение о показаниях Герцмана было отправлено в Москву наркому внутренних дел Н.И. Ежову. Отсутствие в списках репрессированных А.И. Герцмана, фигуры из числа «бывших» людей, пошедших служить большевикам и являвшихся типичными объектами чекистских вербовок, позволяет подозревать в нем агента ГПУ–НКВД, с помощью показаний которого чекисты фабриковали перспективное шпионское дело. При желании украинские чекисты легко могли догадаться, почему в центре Москвы в 1938 г. спокойно живет женщина, свободно разъезжавшая по разным странам Европы с начала 1920-х гг. (то же относится и к экс-невозвращенцу Л.А. Гринкругу, дожившему до 1987 г.).

В обстановке Большого террора основная часть чекистской агентуры была уничтожена именно с прагматической целью использования ее как основы для создания провокационных политических дел. Руководители НКВД УССР знали, что Лили Юрьевна избежала ареста как жена расстрелянного комкора В.М. Примакова, прекрасно известного на Украине, однако всё равно попытались ее арестовать, проводя основной фигурой по крупному делу. Однако адресованная наркому Ежову докладная записка

не возымела ожидаемого эффекта. Расписанные шпионские связи Лили Брик не произвели впечатления на Лубянку, где хорошо знали об охранной грамоте вождя в отношении гражданской жены Маяковского. Сталин годом ранее, когда были арестованы жены расстрелянных с маршалом Тухачевским военачальников, среди которых был и комкор Примаков, тогдашний официальный супруг Лили, сохранил свободу подруге Маяковского, возможно, не желая компрометации фигуры главного советского поэта, к тому времени с санкции вождя канонизированного посмертно.

По правилам 1937 г. Лиля как жена казненного по громкому открытому процессу военачальника была обречена на расстрел или заключение в концлагерь, но на деле смогла сохранить и квартиру в Москве, и положенные как наследнице огромные выплаты за издания Маяковского. Сталин, ликвидировавший при необходимости даже собственных родственников, счел «вдове Маяковского» неприкосновенной еще в 1937-м. Но чекистские игры вокруг «шпионки» Брик какое-то время продолжались, поскольку обстановка Большого террора провоцировала палаческое усердие провинциальных жандармов, не знавших, что части вскрытых ими «врагов» уже нет в живых, а другие считаются ценными агентами. Это дело на шпионов из числа ряда видных интеллигентов в итоге уничтожило и профессора-экономиста Я.М. Букишпана, и знаменитого тренера по боксу А.Ф. Гетье, но миновало возлюбленную Маяковского и целый ряд упомянутых с нею «врагов народа». В 1939 г. на Лилю Брик дал показания арестованный известнейший журналист М.Е. Кольцов, но муза Маяковского и в этот раз осталась неприкосновенной.

В советский период под давлением государства литература находилась под сильным воздействием тайной полиции, которая использовала и репрессивное давление, и контроль с помощью сексотов, и дружественное обволакивание литераторов включением их в состав привилегированных лиц, которые могли получать от чекистов и покровительство, и подачки, и определенную, недоступную простым смертным информацию о властных кругах и вождях. Для Маяковского и чекисты, и чекистские агенты Брики были людьми своего круга, от расположения которого он сильно зависел. В свою очередь, привлекаемые яркой фигурой поэта прочие посетители салона Бриков были целью чекистских агентурных разработок, с помощью которых ими осуществлялся контроль над литературным процессом. Определенная вовлеченность мнительного Маяковского в дела госбезопасности повлияла на психическую устойчивость поэта в период, когда его «любовная лодка разбилась о быт». Есть основания полагать, что архивы ВЧК–НКВД хранят еще немало тайн о конкретной работе чекистов с фигурой «горлана-главаря» и его близких.

Приложение*

Документ 1. Чекист о поэте: Михаил Шрейдер о Владимире Маяковском

В 1926 г. (месяц не помню) по инициативе правления ЦДРИ¹ был организован диспут на тему «Киночубаровщина». Основанием для этого диспута послужил случай группового зверского изнасилования хулиганами 17-летней девушки в Ленинграде, в Чубаровском переулке². Случай этот вызвал негодование советской общественности и широко комментировался в печати.

В то время в Совкино, в отдельных группах кинематографистов обстановка была нездоровая. Некоторые помрежи³ и другие дельцы от кино практиковали гнусные методы приглашения девушек на съемки в кино лишь при условии, если они соглашались стать их любовницами. Это обстоятельство вызвало необходимость разоблачить и осудить имевшие место случаи принуждения к сожительству молодых неопытных девушек, приглашенных на те или иные роли.

Собрание-диспут проводилось под председательством известного фельетониста и публициста Михаила Кольцова⁴ в ЦДРИ⁵. <...> Он заклеивал традиции дореволюционного кино, остатки которых проявлялись и в советском кино, и основное внимание обратил на моральный облик советского киноработника.

На собрании выступило много работников кино. Запомнилось, что одна киноактриса с Украины рассказывала о фактах вопиющего безобразия, имевших место среди украинских киноработников.

После выступления этой киноактрисы слово взял Владимир Владимирович Маяковский, который также был приглашен на диспут⁶. К сожалению

* При публикации сохранены орфография и пунктуация источника.

¹ Центральный дом работников искусств (ЦДРИ) в Москве был организован только в феврале 1930 г.

² Это произошло 22 августа 1926 г., среди примерно 25 насильников были комсомольцы. Судебный процесс над «чубаровцами», обвиненными в итоге в политическом бандитизме, прошел в декабре 1926 г., послужив катализатором большой пропагандистско-миллионной кампании против хулиганства.

³ Помощники режиссеров.

⁴ Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898 – 2.2.1940, Москва). Член компартии с 1919 г. Арестован 13.12.1938, расстрелян. Реабилитирован в 1954 г.

⁵ Возможно, Шрейдер имел в виду диспут в Политехническом музее (см. следующее примечание).

⁶ Это выступление в хронике жизни поэта не отражено. Известно о выступлении Маяковского 30 сентября 1926 г. на диспуте о хулиганстве в Политехническом музее. Возможно, мемуарист имел в виду выступление Маяковского 15 октября 1927 г. на диспуте «Политика Совкино», организованном ЦК ВЛКСМ, редакцией «Комсомольской правды» и Обществом друзей советского кино. На нем Маяковский, в частности, заявил: «Я не поэт, а прежде всего [человек], поставивший свое перо в услужение, заметьте – в услужение, сегодняшнему часу, настоящей действительности и проводнику ее – советскому правительству и партии». Не исключено, что Шрейдер присутствовал и на выступлении Маяковского 19 ноября 1926 г. в Доме печати на диспуте о богеме, где также могла идти речь о положении в кинематографе.

нию, не могу восстановить в памяти многое из его речи, но отлично помню, с каким гневом и сарказмом он говорил о кинодельцах, позорящих честь советского киноискусства, которых надо гнать грязной метлой из кино и которым вообще нет места в советском обществе.

Маяковский подверг резкой критике руководителей Совкино Константина Шведчикова⁷ и его заместителей Ефремова⁸ и Трайнина⁹, приведя ряд известных лично ему фактов о деляческой деятельности некоторых киноработников. Он также упрекнул наркомпрос и, в частности, Луначарского, который недостаточно интересуется этим вопросом и должен уделять больше внимания работе кино и помочь очистить нашу кинематографию от грязных дельцов¹⁰.

Выступление Маяковского неоднократно прерывалось бурными аплодисментами и вызвало горячий отклик всех присутствующих.

В заключительном слове Михаил Кольцов подчеркнул исключительную важность выступления Маяковского, давшего правильную большевистскую оценку положению дел в нашей кинематографии.

Это собрание-диспут сыграло большую роль в оздоровлении обстановки в кинематографии.

Вторично я слышал Маяковского также в ЦДРИ, когда с докладом выступал А.В. Луначарский¹¹. К сожалению, не помню, о чем шла речь, но в памяти сохранилось, что Маяковский, находящийся в публичке, несколько

⁷ Шведчиков Константин Матвеевич (1884–1952). Член компартии с 1904 г. Уроженец Вятской губ., сын лесного сторожа, образование среднее. В 1905 г. пропагандист, организатор типографского подрайона РСДРП в Петербурге; сотрудничал в газете «Новая жизнь». В 1906 г. организатор боевых дружин. В 1908 г. арестован и выслан на три года в Архангельскую губ. В 1912 г. вернулся в Петербург, работал в журнале «Просвещение», занимался переправкой нелегальной литературы из-за границы. В 1914 г. арестован, сослан в Якутию. В 1917 г. – заведующий издательством «Правда». В 1918–1924 гг. уполномоченный СНК РСФСР–СССР по делам бумажной промышленности и полиграфического производства, председатель Центробумтреста. В 1924 г. член коллегии Наркомвнешторга. В 1926–1930 гг. председатель правления Совкино. В 1930 г. зампред правления Союзкино. С авг. 1932 г. член коллегии Наркомздрава и директор Всероссийского объединения курортов. С мая 1936 г. председатель Комитета по запоевникам при ВЦИК и СНК РСФСР.

⁸ Ефремов Михаил Петрович, член компартии с 1914 г.; с 1923 г. председатель Севзапкино, затем зам. председателя правления Совкино.

⁹ Трайнин Илья Павлович (1887, Рига – 27.6.1949, Москва). Член компартии с 1904 г., доктор гос. и правовых наук (1935), доктор юридических наук. Академик АН СССР (1939). В 1907–1917 гг. был в эмиграции, вольнослушатель Парижского университета. С 1920 г. работал в наркомате по делам национальностей, редактор журнала «Жизнь национальностей». В 1923–1925 гг. председатель Главного репертуарного комитета Наркомпроса РСФСР. В 1925–1929 гг. член правления Совкино. С 1931 г. – в Институте права АН СССР, с 1939 г. зам. директора, в 1942–1947 гг. директор Института права. В 1946–1949 гг. академик-секретарь Отделения экономики и права АН СССР.

¹⁰ Маяковский часто критиковал с ультралевых позиций наркома просвещения Луначарского как защитника буржуазного искусства.

¹¹ Речь идет о выступлении Маяковского по докладу А.В. Луначарского «Театральная политика советской власти» 2 октября 1926. См.: Литературное наследство. Т. 65. – М., 1958.

раз во время выступления Анатолия Васильевича говорил с места острые критические реплики, который Луначарский тут же не менее метко парировал остроумными ответами. Зал покатывался со смеху и награждал обоих бурными аплодисментами.

После окончания доклада Луначарского в прениях в числе других выступил и Маяковский, развивая и дополняя свои критические реплики с места¹². И хотя в основном критиковалась работа наркомпроса, Анатолий Васильевич вместе с другими аплодировал и хохотал над удачными выражениями Маяковского.

В заключительном слове Луначарский отметил, что выступление Маяковского вполне правильно, хотя он лично не со всеми доводами согласен.

Забегая вперед, хочу рассказать, как в июле или августе 1929 г. я в третий раз встретился с Маяковским и более близко познакомился с ним при следующих обстоятельствах.

После окончания очередного курса лечения в Сеченовском институте в Севастополе летом 1929 г. я вместе с моим сослуживцем по ЭКУ ОГПУ Семёном Львовичем Римским¹³, его женой и дочерью Лидией решили в оставшиеся дни отпуска совершить поездку на пароходе до Батуми и обратно.

На пути из Батуми наш пароход остановился на рейде возле Сочи и к нам на катере подъехала группа пассажиров, в числе которых находились

¹²«В чем не прав совершенно, на 100 % был бы Анатолий Васильевич? Если бы думал, что эта самая “Белая гвардия” является случайностью в репертуаре Художественного театра. Я думаю, что это правильное логическое завершение: начали с тетей Маней и дядей Ваней и закончили “Белой гвардией”. <...> Анатолий Васильевич приводил чеховский афоризм о том, что если зайца бить, то заяц может выучиться зажигать спички. Анатолий Васильевич думает, что если с ласковым словом подойти, то что-нибудь выйдет. А я думаю, что ни при тех, ни при других условиях спички зажигать не выучится и останется тем же зайцем, каким был и есть. <...> Я не могу припомнить, в какой статье, но у т. Луначарского есть выражение: “Поменьше политики, не единой политикой будет жив человек”. Теоретически это совершенно правильно, а практически, когда 97 % отходят в области искусства от политической работы, что мы видим в пролетарской литературе? Отход от революционных тем Жарова, Уткина и других. Мы бы хотели от т. Луначарского по отношению к тем писателям, которые бьются против метафизики и против аполитичности искусства за лозунги и плакаты, за революционное, за лефовское искусство, слышать: “Да здравствует ваша политическая работа, и побольше вашей политической работы, и к черту аполитичность!”»

¹³ Римский (Шнайдер) Семен Львович (1897, Киев – 28.10.1937, Коммунарка, Московская обл.). Капитан ГБ (1936). Член компартии с 1917 г. Из семьи портного, еврей, образование среднее. С 1922 г. в ГПУ–НКВД. Работал начальником погранчасти Волынского губотдела ГПУ УССР, в 1926 г. за создание «шайки контрабандистов» был снят и осужден к расстрелу (с заменой на 10 лет заключения), в 1927 г. освобожден и восстановлен в ОГПУ, работал в ЭКУ, в Админоргупре ОГПУ. В 1933–1934 гг. на особом учете запаса ОГПУ, одновременно зам. начальника политотдела МТС по работе ОГПУ в Московской обл. С 1934 г. начальник Оперода ГУПО НКВД СССР. В 1936 г. нач. ЭКО УНКВД по Куйбышевскому краю, начальник ЭКО УНКВД по Восточно-Сибирской обл., ст. лейтенант ГБ (1936). С 17.12.1936 уволен из НКВД, 29.4.1937 арестован как троцкист, расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

возвращающиеся из одного и того же санатория В.В. Маяковский¹⁴, начальник Днепропетровского [окружного отдела] ОГПУ (кажется, т. Грозный¹⁵) и ленинградка, инженер Зоя Александровна.

Свободных мест в каютах не было, и мы с Римским пригласили всех троих к себе. И так ехали вместе более двух суток, как говорится, в тесноте, да не в обиде, в двух каютах первого класса. У Римского поместили Зою Александровну с его женой и дочерью, а в моей – Маяковского и Грозного.

Через некоторое время капитан парохода, узнав, что у Маяковского нет своей каюты, пришел к нему и предложил перебраться в капитанские апартаменты, но Владимир Владимирович наотрез отказался, заявив, что останется с товарищами.

В те же дни мы все вместе ходили завтракать, обедать и ужинать в ресторан. Причем Маяковский никому не позволял платить, когда находился за столом, а рассчитывался сам, заявляя, что он всех угощает. Но зато он организовывал своеобразные пари: за обедом или за ужином мы брали несколько бутылок виноградного натурального вина и, когда бутылки бывали уже пустыми, Владимир Владимирович, обращаясь к кому-либо из нас, спрашивал, беря в руку одну из бутылок:

– Ну, сколько осталось капель в этой бутылке?

Называли цифру: три, пять, семь и т. д., а Маяковский переворачивал бутылку вверх дном над бокалом и начинал выливать остатки вина, считая капли. Кто из назвавших цифру ошибался, тот и платил за дополнительное виноградное вино.

Этим же рейсом на пароходе ехал тогдашний председатель Совнаркома СССР Алексей Иванович Рыков с семьей и работниками охраны.

Когда Рыков, находящийся на другом конце ресторана, во время обеда впервые увидел за нашим столиком Маяковского, он поднялся с места, подошел к нам и, поздоровавшись с Маяковским, стал приглашать его к своему столу.

Владимир Владимирович просто и сдержанно поздоровался с Рыковым, не выказав ни малейшего намека на так распространенное заискивание перед «сильными мира сего», поблагодарил за приглашение и сказал:

– Ведь я не один, а со своими друзьями.

– Я приглашаю не только вас, – обратившись в нашу сторону, сказал Рыков, – но и ваших друзей.

Владимир Владимирович вторично поблагодарил за приглашение и сказал, что мы уже заканчиваем обед и поэтому не имеет никакого смысла пересаживаться.

¹⁴ Маяковский 15 июля 1929 г. выехал в Сочи, где и выступал, и отдыхал вместе с актрисой Вероникой Полонской (1908–1994). Выехал в Ялту 2 августа.

¹⁵ А.Г. Грозный-Сафес (1892–27.2.1939, Гагры) в тот период работал начальником Каменец-Подольского окротадела и одновременно начальником 23-го погранотряда ГПУ УССР.

Тогда Рыков пригласил Маяковского зайти к нему позднее в каюту. Но, насколько помню, Маяковский, кажется, так и не воспользовался этим приглашением.

Ночью, когда все улеглись спать, Маяковский долго не приходил в каюту. Я вышел на палубу и увидел, что он устроился в укромном уголке на свернутых канатах возле какого-то палубного фонаря и что-то пишет. На вопрос, почему он не идет спать, Владимир Владимирович ответил:

– Разве можно в такие ночи спать? В такие ночи только и работать...

Спустившись в каюту, я вскоре заснул и так и не слышал, когда же наконец лег спать Маяковский. И на вторую ночь он также почти не спал.

В Новороссийске была продолжительная остановка и мы всей компанией сошли на берег, решив осмотреть город. Когда мы подходили к остановке трамвая возле пристани, вагон уже тронулся с места, и мы на ходу по очереди стали вскакивать на площадку. Вдруг раздался пронзительный свисток милиционера. Трамвай остановился, и нам предложили уплатить штраф.

Я был в чекистской форме и поэтому взял на себя миссию переговоров, сказав милиционеру, что мы, мол, не знали здешних порядков и просим извинения. И, конечно, не удержался и тихо шепнул милиционеру, что среди нас известный поэт – Маяковский.

Тогда милиционер откозырнул и, решив не брать штрафа, хотел сойти с площадки вагона, но тут же раздался громкий голос Маяковского:

– Товарищ милиционер, куда же это вы? Ведь мы нарушили порядок, и вы должны выполнить свой долг и оштрафовать нас. Сколько с меня?

Милиционер растерянно посмотрел на меня и извлек из кармана штрафные квитанции. В первую очередь Маяковский, а за ним и все мы уплатили причитающийся штраф.

Когда милиционер сошел с трамвая, Владимир Владимирович подошел ко мне вплотную и, свирепо глядя на меня, погрозил кулаком. Он, конечно, понял, что я назвал милиционеру его фамилию.

А затем, когда мы сошли с трамвая, возле одного из кафе Маяковский, обращаясь ко мне, сказал:

– Хорош чекист. Вместо того чтобы подать другим пример, выкидываешь какие-то фокусы и хотел увильнуть от законного штрафа. Был бы здесь ваш начальник, тебя следовало бы наказать. Но так как начальника нет, то я сам оштрафую тебя – плати за всех за мороженое!

Несмотря на то что всё это было сказано в полупушталливой форме, на меня этот вполне справедливый упрек Маяковского произвел большое впечатление. Ведь я был членом партии, занимал довольно ответственный пост и должен был сам понять недопустимость подобного поведения. Расплачиваясь в кафе за мороженое, я чувствовал себя глубоко присты-

женным. Этот как будто незначительный инцидент оставил у меня след на всю жизнь. Позднее, увы, только после смерти Маяковского, многие осознали, какую величину представлял он не только как поэт, но и просто как человек. Каким прямолинейным до резкости был он и в то же время каким был душевным товарищем. Как умел остро, точно и метко критиковать всё чуждое не только словом, но и личным примером, и своей скромностью, и подлинно партийным отношением ко всему несправедливому. По правдивости, честности и непримиримости ко всяким нарушениям советских законов Маяковский напоминал мне Дзержинского.

После случая со штрафом в трамвае Маяковский несколько раз называл меня «нарушителем» или «штрафником», говоря:

– Ну, «нарушитель», пойдем в буфет.

Хотя билет у меня был до Одессы, но по уговору Маяковского я вместе со всеми сошел в Ялте, где все мы остановились в одной гостинице.

В Ялте Маяковский должен был дважды выступить в курзале¹⁶. Оба раза я присутствовал на его выступлениях.

К сожалению, за давностью многое изгладилось из памяти, но хочу рассказать о некоторых подробностях. На одном из выступлений в курзал собралось много народу, т. е., что называется, было «набито битком». В первых рядах, как обычно в те годы, сидела разряженная нэпманская молодежь, которая вела себя вызывающе, шумела, разговаривала и не давала Маяковскому, вышедшему на эстраду, начать выступление.

Он стоял на авансцене, скрестив руки и совершенно спокойно ждал, когда в зале наступит тишина. Но она всё не наступала.

Тогда Маяковский громким голосом прочел короткий и очень резкий экспромт, направленный против разбушевавшихся нэпманов.

Возможно, я ошибаюсь, так как дело было слишком давно, но у меня в памяти возникают в связи с этим случаем приблизительно следующие строчки:

«Я плюю в покрашенные губы,
Золотом обсаженные рты...»

Экспромт был встречен бурей аплодисментов средних и задних рядов, а кое-кто из передних рядов в обиде покинул зал.

– Разве их интересует поэзия, – вслед уходящим сказал Маяковский. – Им нужно только развлечение. Да и вообще моя поэзия не для бездельников. Теперь воздух очистился, можно приступать к работе.

И он начал читать.

¹⁶ В курзале Ялты Маяковский выступил 9 августа. Он также выступил 6 и 8 августа в соседних с Ялтой Мисхоре и Симеизе, 10 и 11 – в Алушке и Гурзуфе, а 12 августа – в Ливадийском дворце (в трех километрах от Ялты).

Невозможно передать словами, с каким восторгом публика реагировала на стихи Маяковского и какие овации ему устраивала. Это был подлинный триумф поэта-трибуна.

К моему стыду, я тогда не понимал многих стихов Маяковского, таких, например, как «Облако в штанах» и ряд других, и как-то сказал ему об этом.

– Знаешь что, Миша. Ведь ты малограмотный, тебе надо подучиться и побольше почитать. Тогда ты и будешь понимать все мои стихи.

На мое замечание о том, что многие рабочие тоже недостаточно грамотны, а ведь стихи должны быть рассчитаны на массы, Маяковский ответил:

– А я думаю, что рабочий класс меня понимает...

И добавил:

– Тут еще многое зависит от того, кто читает и как читает.

Когда после триумфального выступления я уже в гостинице поздравлял Маяковского, он тяжело вздохнул и с горечью стал говорить, что одного успеха мало, что идет тяжелая классовая борьба, что на него постоянно нападают рапповцы и что самое обидное в том, что его травят не только враги советской власти, но и люди с партбилетами. Тогда же я узнал от Маяковского о враждебном отношении к нему Авербаха¹⁷ и Киршона¹⁸ (причину которого я до сих пор не могу понять), а также об особо ненавистном ему противнике – Ермилове¹⁹ и ряде других.

– А в общем, ну их... – как бы желая отмахнуться от неприятных мыслей, закончил Маяковский разговор на эту тему. – Не стоит о них говорить. Во всяком случае, я уверен, что друзей у меня больше, чем врагов.

Другой раз, когда зашла речь о театре, Маяковский с большой теплотой говорил о Мейерхольде и интересовался, видел ли я постановку пьесы Каменского²⁰ о Степане Разине, а когда я ответил утвердительно, сказал:

– Каменский – это силища!

Из поэтов Маяковский больше всего хвалил и рекомендовал мне читать Асеева²¹.

Через день или два я и семья Римских уезжали из Ялты теплоходом в Одессу. Владимир Владимирович, остающийся в Ялте, провожал нас.

¹⁷ Авербах Леопольд Леонидович (1903–14.8.1937, Москва). Член компартии с 1920 г. Редактор журнала «На литературном посту», публицист, близкий органам ОГПУ. Один из основателей РАПП и ВАПП. Арестован 4.4.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1961 г.

¹⁸ Киршон Владимир Михайлович (1902–28.7.1938, Москва). Драматург, публицист, редактор. Член компартии с 1920 г. Арестован 29.8.1937, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁹ Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965). Критик, редактор журналов «Молодая гвардия», «Красная новь», редактор «Литературной газеты».

²⁰ Каменский Василий Васильевич (1884–1961), поэт.

²¹ Асеев Николай Николаевич (1889–1963), поэт. «В эти годы Асеев, отличный товарищ, умный, талантливый, внутренне свободный и ничем не ослепленный, был ему близким по направлению другом и главною опорой» [12].

Он принес большие букеты цветов, которые преподнес жене и 16-летней дочери Римского Лида.

Следует отметить, что Лида была на редкость красивой девушкой с золотыми волосами и голубыми глазами, и Маяковский относился к ней с трогательной отеческой нежностью и смотрел на нее с восхищением, как на редкое произведение искусства.

Прощаясь, мы условились встретиться с Владимиром Владимировичем в Москве, а через семь месяцев я услышал страшную весть о его смерти.

Не хотелось верить, что Маяковский, так страстно осудивший самоубийство Есенина, мог покончить с собой.

(Позднее мне рассказывали, что когда в ОГПУ сообщили о самоубийстве Маяковского, первым к нему на квартиру приехал Яков Саулович Агранов²², бывший тогда начальником СПО²³ ОГПУ²⁴. Помню, что во время нашей кратковременной поездки на пароходе, Маяковский, когда мы заговорили о чекистах, тепло отозвался об Агранове, с которым, видимо, был хорошо знаком или даже дружил.)

Архив НИИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 101. Л. 301–309.

С Кирпоном и Авербахом я неоднократно встречался. Оба они являлись активными РАППовцами, и из разговоров с ними я знал, что они очень недоброжелательно относились к В.В. Маяковскому, но я тогда вообще слабо разбирался в течениях литературы и не понимал как следует, в чем было дело. (Два года спустя, когда мне пришлось два-три дня провести с В.В. Маяковским, он объяснил мне, что представляет собою руководство РАПП.) А в 1926 г. я ничего этого еще не знал и очень дружил с Кирпоном и Авербахом.

Киршон в компании был обаятельным, общительным и веселым товарищем. И меня поражает, как такой умный и талантливей человек мог в те годы занять такую неправильную позицию в отношении беспартийных писателей и поэтов, а главное, недооценивать такого великана, как Маяковский.

Архив НИИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 101. Л. 290–291.

²² Агранов Яков Саулович (1893–1.8.1938). Комиссар ГБ 1-го ранга (1935). В 1934–1937 гг. первый заместитель наркома НКВД СССР. Расстрелян. Не реабилитирован.

²³ Секретно-политический отдел, занимавшийся организацией политического сыска, создан на базе Секретного отдела в 1931 г.

²⁴ В апреле 1930 г. Я.С. Агранов работал помощником начальника Секретного отдела ОГПУ.

Документ 2. Докладная записка наркома внутренних дел УССР А.И. Успенского наркому внутренних дел СССР Н.И. Ежову и первому заместителю НКВД СССР М.П. Фриновскому от 3 августа 1938 г. (Копия).

Передана 3. VIII-38г.

1 час. 40 мин.

ЗАПИСКА ПО ПРОВОДУ НР 4511

МОСКВА НКВД СССР

Тов. ЕЖОВУ Н.И.

Тов. ФРИНОВСКОМУ

Тов. МОРОЗОВУ²⁵

13-го июля с. г. в Киеве арестован штатный резидент английской разведки ГЕРЦМАН Лев Игнатъевич²⁶.

ГЕРЦМАН – спортсмен теннисист, бывший офицер морского флота, сын петербургского юриста миллионера²⁷.

В 1918 году ГЕРЦМАН бежал за кордон, проживая вне подданства в Финляндии, Англии, Франции и Германии, откуда английской разведкой в 1923 году был направлен в СССР со шпионскими заданиями.

В последнее время ГЕРЦМАН работал помощником прораба на «Коксохимкомбинате» в гор. Запорожье.

ГЕРЦМАН дает показания, что является штатным резидентом постоянной английской службы и, по ее заданию, до момента ареста, проводил шпионскую и вербовочную работу на территории СССР.

Для шпионской работы в пользу английской разведки ГЕРЦМАН был завербован в 1922 году в Лондоне²⁸ резидентом «Интеллидженс-Сервис» по европейским странам – майором генерального штаба СИГРИМОМ. <...>

В Лондоне ГЕРЦМАН, по наводке СИГРИМА, познакомился с советской гражданкой, некой БРИК Лилией Юрьевной, женой литератора БРИКА.

БРИК, постоянно проживающая в Москве, имела большие связи среди работников ИНО ОГПУ, ответственных хозяйственных работников и располагала большими связями за границей. Под видом туристки, БРИК ежегодно ездила за границу – в Лондон, Париж и Берлин, где проживают ее родственники.

²⁵ Морозов Игнатий Дмитриевич (1898–24.7.1940, Москва). Майор ГБ (1937). Член компартии с 1919 г. В ВЧК-НКВД с 1919 г., работал на Украине. В марте – сентябре 1938 г. работал начальником 6-го отдела 1-го управления НКВД СССР, затем помощником начальника Следственной части НКВД СССР. Арестован в 1939 г., расстрелян. Не реабилитирован.

²⁶ В 1927 г. жил в Москве, работал в ВСНХ.

²⁷ Игнатий Маркович Герцман – присяжный поверенный, в 1917 г. председатель акционерного общества «Посейдон» в Петербурге.

²⁸ В 1922 г. Герцман работал в «Аркосе» (Лондон).

В мае 1923 года ГЕРЦМАН, заручившись согласием БРИК на оказание ему помощи в выезде в СССР, выехал в Берлин.

В октябре того же года, при содействии БРИК, проживавшей в то время в советской колонии в Берлине, через КРЕСТИНСКОГО²⁹, которого ГЕРЦМАН знал еще до революции, как работавшего у его отца в Ленинграде, – он был восстановлен в советском подданстве и выехал в СССР.

Устройство ГЕРЦМАНА в Москве было обусловлено БРИК с КУШНЕРОМ Борисом Анисимовичем³⁰, заместителем председателя правления Льноцентра, в Берлине, где КУШНЕР находился в командировке. Поселился ГЕРЦМАН в Москве у БРИК и был назначен КУШНЕРОМ секретарем правления Льноцентра.

Свой московский адрес и место службы ГЕРЦМАН из Берлина сообщил СИГРИМУ.

В январе 1924 года, в Москве к ГЕРЦМАНУ явился некий БЕРЕНС Борис, человек без определенных занятий и по обусловленному паролю «АОТФРЕД» передал ему явку к ЛАВРЕНТЬЕВОЙ Евгении Васильевне, постоянно проживающей в Москве.

Этой явкой ГЕРЦМАН пользовался до 1927 года. Через ЛАВРЕНТЬЕВУ он передавал материалы английской разведке и получал деньги на шпионскую работу. <...> На протяжении 1923–27 г.г. ГЕРЦМАН, работая в Москве, в Льноцентре, в иностранном отделе ВСНХ СССР и комитете Стандартизации при СТО³¹ СНК СССР, для шпионской работы привлек:

1. БУКШПАНА Якова Марковича³² – профессора-экономиста, бывшего заведующего бюро мирового хозяйства иностранного отдела ВСНХ СССР;

2. РОЗЕНОЕРА Александра Михайловича, экономиста, работника всесоюзной западной торговой палаты;

3. ГРИНКРУГА Льва Александровича³³, по образованию юриста, проживающего сейчас в Ленинграде, работает заместителем директора «Союзкинохроника»;

²⁹ Крестинский Николай Николаевич (1883–15.3.1938), полпред СССР в Берлине в 1922–1930 г.г. Расстрелян. Реабилитирован в 1963 г.

³⁰ Поэт-футурист Б.А. Кушнер 27 января 1935 г. был арестован, получил пять лет концлагеря; 4 сентября 1936 г. этапирован в Москву, где по ходу дополнительного следствия 2 июня 1937 г. приговорен к расстрелу за «участие в контрреволюционной организации».

³¹ Совет труда и обороны.

³² Букшпан Яков Маркович (1887–14.4.1939, Коммунарка, Московская обл.), видный экономист. Арестован 16.8.1930 по делу «Трудовой крестьянской партии», осужден на три года концлагеря. В июле 1932 г. досрочно освобожден, заведовал кафедрой экономики промышленности Академии пищевой промышленности им. Сталина, профессор. Арестован 15.9.1938 как участник контрреволюционной организации и шпион. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

³³ Гринкруг Лев Александрович (1889–1987) работал финдиректором РОСТА (1919–1925), бывший банкир, уехавший во Францию и ставший невозвращенцем, однако вернувшийся в

4. БЕЛЯЕВА Афанасия Николаевича, журналиста-экономиста, бывшего работника НК РКИ;

5. ГЕТЬЕ Александра Федоровича, главного тренера по боксу сборной команды СССР³⁴.

От этих лиц ГЕРЦМАН получил и передал английской разведке на протяжении 1924–27 г.г., следующие шпионские материалы:

а/ перечень основных заводов того времени Союза ССР, с указанием местонахождения, данные по оборудованию, мощности, характеру продукции и заданиях этих предприятий на военное время, каковые материалы ГЕРЦМАН получил от завербованного им БУКШПАНА. <...>

В мае 1927 года в Москву под видом торгового деятеля, приехал из Англии капитан Ионас ЛИД, который по обусловленному паролю связался с ГЕРЦМАНОМ.

ЛИД поставил перед ним задачу – внедриться на строительство «Днепростроя», где создать шпионскую сеть и одновременно вести наблюдение за американскими специалистами, работающими на «Днепрострое».

Через несколько дней после этой встречи, Ионас ЛИД встретился с ГЕРЦМАНОМ на теннисном корте стадиона «Динамо» и дал ему новую явку – УЛЬЯНОВА Бориса Алексеевича³⁵, тренера по тен[н]ису в иностранных посольствах в Москве, с которым его лично связал. <...>

С 1927 года и до дня ареста ГЕРЦМАН работал в Запорожской промышленности на разных должностях и связь с английской разведкой осуществлял через УЛЬЯНОВА, от которого получал указания и деньги на шпионскую работу. <...>

За время своей шпионской деятельности ГЕРЦМАН, на содержание созданной им шпионской сети, получил от английской разведки до 60.000 рублей советскими деньгами и до 1000 фунтов стерлингов.

ГЕРЦМАН также показывает, что в июне месяце 1927 года он был завербован для шпионской работы в пользу Японии аташе японского посольства в Москве МИУРА³⁶, с которым познакомился при совместной игре в теннис.

СССР. Член Союза кинематографистов СССР, занимался дубляжем фильмов на киностудии им. Горького.

³⁴ Тренер по боксу и альпинист, сын известного врача Федора Гетье, А. Гетье (1889–8.1.1938) был расстрелян по сталинскому списку от 3 января 1938 г. – после ареста 14 декабря 1937 по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной террористической организации.

³⁵ Ульянов Борис Алексеевич (1891–1951). Юрист и математик по образованию, получил известность как теннисист, тренер, мастер спорта СССР (1934), автор ряда книг и методических пособий по теннису. Трижды (1927–1929) входил в десятку сильнейших теннисистов СССР.

³⁶ Мнура Кадзунти, реальный японский дипломат в Москве второй половины 1920-х гг.

ГЕРЦМАН с МИУРОЙ поддерживал связь через УЛЬЯНОВА.
Японской разведке ГЕРЦМАН передал часть тех материалов, которые
им передавались английской разведке.
Проходящие по показаниям ГЕРЦМАНА лица устанавливаются.
Прошу санкционировать арест инженера ДУНКЕЛЬ-ВЕЛЛИНГА
Александра Ильича.
УСПЕНСКИЙ.

2 августа 1938 года
6 отдел НКВД УССР
№ - 107059
Верно: Нехорошко

Заверенная машинописная копия того времени
Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины
(ОГА СБУ). Д. 43626. Архивно-следственное дело на В.Р. Грабаря. Т. 3.
Л. 251–262.

Литература

1. *Ардов В.* Из воспоминаний (Маяковский) // *Минувшее: исторический альманах.* – М.; СПб., 1994. – Вып. 17.
2. *Брик О.* Не попутчица // *ЛЕФ.* – 1923. – № 1. – С. 41–71.
3. *Быков Д.А.* Маяковский: трагедия-буфф в шести действиях. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 715 с.
4. *Ваксберг А.И.* Загадка и магия Лили Брик. – М.: АСТ: Астрель, 2003. – 461 с.
5. *Волин Б.* Клеветники: Эренбург, Никитин, Брик // *На посту.* – 1923. – № 1. – С. 9–28.
6. *Шкловский В.Б.* Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском / беседы записаны В. Дувакиным и В. Радзишевским. – М.: Common place, 2017. – 181 с. – (Устная история).
7. *Золотоносов М.Н.* Слово и тело: сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков: сборник статей. – М.: Ладомир, 1999.
8. *Кацис А.Ф.* Владимир Маяковский. Роковой выстрел. – М.: АСТ, 2018. – 480 с.
9. *Кокурин А., Петров Н.* ГПУ – ОГПУ (1928–1934) // *Свободная мысль.* – 1998. – № 8. – С. 110–125.
10. *Лавинская Е.А.* Воспоминания о встречах с Маяковским // *Маяковский в воспоминаниях родных и друзей.* – М.: Московский рабочий, 1968. – С. 321–374.
11. *Лекманов О., Свердлов М.* Сергей Есенин: биография. – М.: Corpus, 2015. – 608 с.

12. Лобков Е. Маяковский. Политическая биография [Электронный ресурс] // Зеркало. – 2003. – № 21. – URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2003/21/lo18.html> (дата обращения: 03.12.2019).
13. Лубянка: органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991: справочник / под ред. А.Н. Яковлева; авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: МФД, 2003. – 768 с.
14. Пастернак Б. Люди и положения // Пастернак Б. Полное собрание сочинений и писем: в 11 т. – М., 2004. – Т. 3. Проза.
15. Позорелова Б. Валерий Брюсов и его окружение // Новый журнал. – 1953. – № 33. – С. 176–198.
16. Сарнов Б. Маяковский. Самоубийство. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.
17. Скрягин В.И. Тайна гибели Владимира Маяковского. – М.: Звонница-МГ, 1998. – 270 с.
18. Смеляков Я. Я обвиняю // Наш современник. – 2013. – № 7. – С. 215.
19. Соломон Г.А. Среди красных вождей, 1898–1923 (лично пережитое и виденное на советской службе). – М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007. – 383 с.
20. Черток С. Последняя любовь Маяковского (с включением мемуаров Вероники Полонской). – Ann Arbor (Mich.): Эрмитаж, 1983. – 128 с.
21. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. 1938–1941. – М.: Согласие, 1997.
22. Чуковский К.И. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 11. Дневник, 1901–1921. – 2-е изд., испр. – М.: ФТМ, 2013.
23. Чуковский К.И. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 13. Дневник, 1922–1935. – 2-е изд., испр. – М.: ФТМ, 2013.
24. Янгфельдт Б. Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг. – М.: Corpus, 2007. – 710 с.
25. Charters A., Charters S. I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik. – New York: Farrar, Straus & Giroux, 1979. – 398 p.

Статья поступила в редакцию 06.10.2019.

Статья прошла рецензирование 16.11.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-404-428

MAYAKOVSKY, THE BRIKS, AND THE CHEKISTS

Teplyakov Alexey,

Cand. of Sc. (History),

Associate Professor at the Department of Philosophy and Humanities,

Novosibirsk State University of Economics and Management,

56 Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

teplyakov-alexey@rambler.ru

Shilovskiy Denis,

Cand. of Sc. (History),

Associate Professor at the Department of Philosophy and Humanities,

Novosibirsk State University of Economics and Management,

56 Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

awlsome@gmail.com

Abstract

The authors introduce new materials about the biography of V.V. Mayakovsky and his immediate environment: the memoirs of the prominent Chekist M.P. Schreider and the 1938 document of the NKVD of the Ukrainian SSR, devoted largely to Lilya Brik. The documents are able to expand our knowledge of the poet and his environment, which would be right to call the literary-Chekist. State security actively worked among the creative intelligentsia, supporting the loyal part and accumulating incriminating materials against opponents of the regime. The secret agents of the OGPU Osip and Lilya Briks were assigned to keep an eye on Mayakovsky and other writers. Creative groups of a modernist style were characterized by the entry into the system of Bolshevik patron-client relations. Art avant-garde artists considered themselves a part of the revolution, and therefore did not disdain the security structures of the new government.

The Chekist and writer O.M. Brik officially completed his work at the beginning of 1924; however, he retained wide acquaintance with the Chekists, keeping a literary salon popular in Moscow. Of course, the Chekists visited (organized) other salons, but they went to Mayakovsky and Brik as to their own, presenting the symbiosis of power and literature on the basis of life building coming from symbolism: Brik and Mayakovsky wrote about the Chekists, including real hymns in honor of the “Dzerzhinsky’s Soldiers” and secret police officers sent Lily Yuryevna abroad with their instructions.

Mayakovsky liked playing a role not only in the literary process; he showed interest in the Soviet secret police both as an artist and as a dependent on its benefits. But when the state, fighting the opposition, began to arrest and shoot the Chekists and writers, the poet was deeply disappointed with his former ideals, which influenced his decision to commit suicide.

Keywords: Vladimir Mayakovsky, Lilya Brik, Osip Brik, Cheka, OGPU, repression, security officers.

Bibliographic description for citation:

Teplyakov A., Shilovskiy D. Mayakovsky, the Briks, and the Chekists. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 4, pt. 2, pp. 404–428. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-404-428.

References

1. Ardov V. Iz vospominanii (Mayakovskii) [From the Memories (Mayakovskii)]. *Minushee: istoricheskii al'manakh* [The Past. Historical Almanac]. Moscow, St. Petersburg, 1994, iss. 17.
2. Brik O. Ne poputchitsa [Not a Fellow Traveler]. *LEF (Levy Front Iskusstv) – LEF (Left Front of the Arts)*, 1923, no. 1, pp. 41–71. (In Russian).
3. Bykov D.L. *Mayakovskii: tragediya-buff v shesti deistviyakh* [Mayakovskii: Slapstick Tragedy Buff in Six Acts]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006. 715 p.
4. Vaksberg A.I. *Zagadka i magiya Lili Brik* [Riddle and Magic Lilya Brick]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2003. 461 p.
5. Volin B. Klevetniki: Erenburg, Nikitin, Brik [Slanderers: Erenburg, Nikitin, Brick]. *Na postu – At the Post*, 1923, no. 1, pp. 9–28. (In Russian).
6. Shklovskii V.B. *Besedy s Viktorom Shklovskim. Vospominaniya o Mayakovskom* [Conversations with Viktor Shklovsky. Memoirs of Mayakovskii]. Moscow, Common place Publ., 2017. 181 p.
7. Zolotonosov M.N. *Slovo i telo: seksual'nye aspekty, universalii, interpretatsii russkogo kul'turnogo teksta XIX–XX vekov* [Word and Body. Sexual Aspects, Universals, Interpretations of the Russian Cultural Text of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Ladomir Publ., 1999.
8. Katsis L.F. *Vladimir Mayakovskii. Rokovoi vystrel* [Vladimir Mayakovskii. Fatal Shot.]. Moscow, AST Publ., 2018. 480 p.
9. Kokurin A., Petrov N. OGPU (1928–1934) [GPU (State Political Directorate) – OGPU (Joint State Political Directorate) (1928–1934)]. *Svobodnaya mysl' – Free Thought*, 1998, no. 8, pp. 110–125.
10. Lavinskaya E.A. Vospominaniya o vstrechakh s Mayakovskim [Memoirs of the Meetings with Mayakovskii]. *Mayakovskii v vospominaniyakh rodnym i druz'ei* [Mayakovskii in the Memoirs of Relatives and Friends]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1968, pp. 321–374.
11. Lekmanov O., Sverdlov M. *Sergei Esenin: biografiya* [Yesenin. Biography]. Moscow, Corpus Publ., 2015. 608 p.
12. Lobkov E. Mayakovskii. Politicheskaya biografiya [Mayakovskii. Political Biography]. *Zerkalo – Mirror*, 2003, no. 21. (In Russian). Available at: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2003/21/lo18.html> (accessed 03.12.2019).
13. Yakovlev A.N., ed. *Lubyanka: organy VChK–GPU–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB, 1917–1991: spravochnik* [Lubyanka: VChK–GPU–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB Agencies. 1917–1991: directory]. Moscow, MFD Publ., 2003. 768 p.

14. Pasternak B. Lyudi i polozheniya [People and Positions]. Pasternak B. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. V 11 t. T. 3. *Proza* [Complete Works and Letters. In 11 vol. Vol. 3]. Moscow, 2004. (In Russian).
15. Pogorelova B. Valerii Bryusov i ego okruzhenie [Valery Bryusov and His Entourage]. *Novyi zhurnal – The New Review*, 1953, no. 33, pp. 176–198. (In Russian).
16. Sarnov B. *Mayakovskii. Samoubiistvo* [Mayakovsky. Suicide]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 672 p.
17. Skoryatin V.I. *Taina gibeli Vladimira Mayakovskogo* [The Mystery of the Death of Vladimir Mayakovsky]. Moscow, Zvonitsa-MG Publ., 1998. 270 p.
18. Smelyakov Ya. Ya obvinyayu [I blame]. *Nash sovremennik – Our Contemporary*, 2013, no. 7, p. 215. (In Russian).
19. Solomon G.A. *Sredi krasnykh vozhdei, 1898–1923 (lichno perezhitoe i vidennoe na sovetsoi sluzhbe)* [Among the Red Leaders, 1898–1923 (Personally Experienced and Seen in the Soviet Service)]. Moscow, Giperboreya Publ., Kuchkovo pole Publ., 2007. 383 p. (In Russian).
20. Chertok S. *Poslednyaya lyubov' Mayakovskogo (s vklucheniem memuarov Veroniki Polonskoi)* [The Last Love of Mayakovsky (with the Inclusion of Veronica Polonskaya's Memoirs)]. Ann Arbor (Mich.), Ermitazh Publ., 1983. (In Russian).
21. Chukovskaya L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. T. 1. 1938–1941 [Notes on Anna Akhmatova. Vol. 1. 1938–1941]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. (In Russian).
22. Chukovskii K.I. *Sobranie sochinenii*. V 15 t. T. 11. *Dnevnik, 1901–1921* [Collected Works. In 15 vol. Vol. 11. Diaries, 1901–1921]. 2nd ed. Moscow, FTM Publ., 2013. (In Russian).
23. Chukovskii K.I. *Sobranie sochinenii*. V 15 t. T. 13. *Dnevnik, 1922–1935* [Collected Works. In 15 vol. Vol. 13. Diaries, 1922–1935]. 2nd ed. Moscow, FTM Publ., 2013. (In Russian).
24. Jangfeldt B. *Stavka – zhizn'. Vladimir Mayakovskii i ego krug* [Bet is life. Vladimir Mayakovsky and his Entourage]. Moscow, Corpus Publ., 2007. 710 p. (In Russian).
25. Charters A., Charters S. *I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik*. New York, Farrar, Straus & Giroux, 1979. 398 p.

The article was received on 06.10.2019.

The article was reviewed on 16.11.2019.